

ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДИЙСКИХ, УГОРСКИХ И ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.51; 81'373; 81'366

В. В. Быконя

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОГО ФОНДА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА¹

Представлены некоторые пути семантических дериваций, в результате которых происходило становление и развитие основного словарного фонда селькупского языка. Конкретная символика, характерная для мифологического мышления, сменялась абстрактными понятиями. Этап грамматикализации конкретных понятий завершался переходом знаменательных слов в служебные и заместительные слова.

Ключевые слова: селькупский язык, диалект, семантическая деривация, регулярные звуковые соответствия.

В самих истоках языка берет начало процесс абстрагирования. Грамматические абстракции и средства их выражения обеспечивают широкий охват отражаемых и обозначаемых явлений действительности. Диалектика абстрактного и конкретного, общего и частного, свойственная самой природе языка, обеспечивает его поступательное развитие. Действие универсального закона абстрагирования элементов языковой структуры выражается в том, что на основе одних, более конкретных элементов структуры развиваются другие, менее конкретные. Вскрытые закономерности в становлении и развитии лексико-семантической системы селькупского языка позволяют проследить происхождение послелогов с затемненной этимологией, частиц, местоимений, восстановить источники происхождения суффиксальных элементов.

В основном словарном фонде исследуемого языка имеется не так много лексем со значениями 'тело, семя, плод', но целые лексические слои обнаруживают рефлексы слов с этими значениями. Исходным материалом для исследования послужила глагольная лексика, обозначающая действия, производимые какой-либо частью тела или направленные на какую-либо часть тела. Приведем примеры, в которых эта связь сохранилась или восстанавливается: ел. *mǝčiqo* 'поднять голову'; тур. *mǝčiqo*; ел. *mečiqo* 'взвалить за плечи'; об. С *mǝdz'elgu* 'вытереть ноги'; *mǝd'idǝgu*, *mǝdz'elǝ'igu* 'выбить глаз'; *metoγǝnǝǝgu* 'покалечить'; *mudz'vatpugu* 'биться (о сердце)', ср. ел., тур. *mečǝ* 'тело', 'мясо'; об. Ш *vač'č'egu* 'поднять (руку)'; кет. *ved'igu* 'поднять (шею)'; об. Ч *vež'igu* 'пле-

вать', ср. об. Ш, Ч, вас., тым. *važ'*, *vad'* 'тело', 'мясо'. Покажем на фактическом материале связь возвратных местоимений с лексемами со значениями 'тело', 'семя'.

Возвратные местоимения кет. *onneǝ*; об. С *on'eǝ*, *oneǝ*; об. Ш, Ч, тым., вас. *oneq* 'я сам'; об. С *on'ent* 'ты сам'; кет. *ond* 'он сам'; *ondǝ sǝmdǝ* 'сам себя'; об. Ш, Ч *onǝ*, *onǝǝ* 'он сам', 'его собственный', 'свой' имеют общий элемент *on-*. Их семантическими эквивалентами являются тым. *unek*; об. С *unneǝ* 'я сам'. Гласные звуки *o~u* регулярно чередуются. Полной формой местоимения считаем *onneǝ*, в остальных произошли фонетические изменения, направленные на сокращение внешней формы, ср. кет. *onnem qumǝ – onem qumǝ* 'деверь'.

При морфемном членении возвратных местоимений выделяются элементы, соотносимые с элементами знаменательных слов. Для первого элемента находим соответствие в глагольной лексеме об. С *ondǝlǝǝgu* 'посеять (семена)', 'посадить (овощи)', например: *paqǝlpǝdǝ čǝčǝm bes absodǝm ondǝlǝǝgu k'er'egen* 'паханую землю всю семенами засеять надо'. Лексема *ondǝlǝǝgu* состоит из элементов *on-dǝlǝǝgu*, букв. семя+закопать, ср. тым. *telugu* 'копать'; *telǝǝgu* 'закопать', 'загрузить'. Для элемента *on-* восстанавливается значение 'семя'.

Элемент *un-* повторяется в лексемах вас. *un-dǝǝǝgu* 'слышать', например: *qur qonde un-dǝǝǝit* 'человек слышит ушами'. Второй элемент *-dǝǝ-* сопоставляется с элементом лексемы ел. *tečǝ-č'ij qum* 'родной человек', ср. *tečǝ-č'ijm* 'родственник', что позволяет предположить для него значение 'родовое семя'. Таким образом, составные наименова-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 13-14-70001а/Т «Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира и ее отражение в самодийских, германских и русских языках».

ния об. С *on'ep qula* 'родственники' (букв. мои собственные люди); об. Ш *onž qula* 'родители' (букв. его собственные люди), 'его родственники'; об. Ч *unut kula* 'родители (букв. наши собственные люди)', 'родственники' содержат возвратные местоимения, которые своими значениями передают родство на глубоком уровне, на уровне зародыша жизни.

Диалектным вариантом местоимения кет. *ond* 'он сам' является об. С *otdā, oddā* 'он сам'. Значение элемента *ot-, od-* 'семя' раскрывается из семантического содержания глаголов *vas. otd'elgu* 'созреть' (< *ot-d'elgu*, ср. об. С, кет. *t'eljkugu*; об. Ш *t'eljmgu* 'родиться'); об. Ч *odž'etugu* 'прорасти (семени)', 'вырасти'; тур. *oñlaka* 'нараст на березе'. В случае с местоимением *otdā* проявляют себя те же семантические связи, поэтому считаем возможным трактовать возвратное местоимение *otdā* в свете современной грамматики как посессивную форму 'семя-его'.

Второй элемент *peŋ-* (*n'ep-, n'an-*) местоимения *onpeŋ* 'я сам, мой собственный' повторяется в лексемах, обозначающих действие, направленное от тела или производимое частями тела: об. Ч *peŋjigu* 'надрать (уши)', 'выщипать (перья)'; кет. *peŋ'd'učŋugu* 'топтаться'; кет. *peŋd'olgu* 'стоптать обувь'; *n'and'olgu* 'затоптать', 'притоптать'; кет. *n'ingjigu* 'снять (одежду, обувь)'; об. С *peŋjigu* 'снять (одежду)'; об. Ч, кет. *n'ijūlgu* 'снять (одежду)', 'ощипать птицу'. Считаем возможным восстановить для *peŋ-* значение 'человек, тело'. Этот элемент вошел в термины родства: об. Ш, *vas.*, тым. *peŋga*; тур. *n'ep'n'a* 'сестра', ср. *onem qumj* 'деверь'.

Второй элемент местоимения *oneŋ* 'я сам' (по аналогии с *onpeŋ* восстанавливаем форму *onnek*) *-neŋ* повторяется в лексемах об. Ч, *vas.*, тым. *peŋl'eŋcuŋu* 'натягивать на себя', 'курить' (тянуть в себя); об. Ч, *vas.* *peŋqalžigu* 'притягивать к себе', 'обтягивать'; тым. *peŋelgu* 'надеть (рубашку)'; *peŋalžigu* 'натянуть шапку'; *vas.* *n'eqalgu* 'покурить (втянуть в себя)'. В отличие от лексем с элементом *peŋ-* лексем с элементом *-neŋ* передают противоположное направление, а именно на тело и внутрь себя. Первый элемент несет смысл «действие, направленное от себя», основой является 'крепкое тело', ср. кет. *n'aŋgdj* 'твердый', 'крепкий', 'толстый', а второй – «действие, направленное на себя». В этом случае развивается понятие совместности: тым. *n'eqāndā* 'друг с другом', 'между собой'; *n'eqāndā qandugu* 'смерзнуться вместе'.

Считаем, что семантическая деривация слов со значением 'человек' шла в направлении значений 'тело', 'семя', 'плод', 'внутреннее состояние человека'. Это подтверждается типологически, ср. возвратные местоимения *nen.* *O xapn* 'я сам', *эн.* *keŋe*

восходят к слову со значением 'тело'; венг. *mag* 'семя (зародыш)', 'зерно (крупинка)' сопоставляется с удм. *miŋog, tuŋog* 'тело' и с венг. *mag* 'сам' [1, с. 216].

Возвратные и лично-возвратные местоимения об. С *mazjm*; кет. *šjm* 'меня'; об. Ч *mažər, mas'ip* 'меня'; *tašep, taštip* 'тебя'; об. Ч *təššendā, šendā* 'тебя'; кет. *šindj* 'тебя', '(он) себя', например: кет. *man soraš šindj* 'я тебя люблю'; *ter qettjn ondā šindj katmīndj* 'он ударил сам себя по лбу' также обнаруживают связь со словами 'тело'. Первый элемент *ma-* лично-возвратного местоимения *mazjm* 'меня' в одном из говоров является личным местоимением 'я' – тур. *ma*. Этот элемент вычленяется при морфемном членении лексемы *ma-in-tugu* 'измучить', например: об. С *k'izugumbətə maintan* 'тоска замучила', второй элемент *-in-* вошел в структуру слова *ел.* *in'ej* 'боязливый'; *en'iqo* 'бояться'; об. Ч *əŋbatpugu* 'неметь', 'гудеть', например: *tobət əŋbatpa* 'ноги гудят'; *əŋbatku* 'онеметь', 'застыть'. Значение слова складывается из значений входящих в него компонентов и дает возможность считать значением элемента *ma-* «внутреннее состояние человека».

Второй элемент *-zjm* местоимения *ma-zjm* употребляется самостоятельно в том же значении. Лексемы, в которых встречаются сходные фонетические варианты, несут положительную коннотацию: *ел.* *s'om-ak* 'хорошо'; *s'omas'iqo* 'выздороветь', 'обрадоваться'; тур. *soma* 'хороший'; *somaŋqo* 'зажить (о ране)'; *somaŋriqo* 'хвалить'.

Второй элемент *-s'ip (-žər)* местоимений об. Ч *mažər, mas'ip* 'меня' вошел в структуру глагольных лексем *ел.* *s'ipimbiqo* 'чесаться'; *s'erip'eqo* 'подойти (к телу)', 'быть впору'; об. Ш, тым. *šibalžegu* 'сморгаться'; *vas.* *š'ibetəgu* 'понюхать табак', которые своими значениями передают действия, связанные с телом или его частями. Следовательно, элементы *-zjm* местоимения *mazjm* и *-žər* местоимения *mažər* несут разную стилистическую окраску. Согласные звуки *m~p* составляют ряд регулярных звуковых соответствий [2], но второй из них в данном случае стилистически нейтрален.

Лично-возвратные местоимения об. Ч *təššendā, šendā* 'тебя'; кет. *taz'indj, šindj*; об. Ч, *vas.* *tažindj* 'тебя', '(он) себя' при морфемном членении обнаруживают элементы *taš-* и *-šendā*. Элемент *taš-* (*taž-, təš-*) совпадает с лексемой об. Ш *taz'i* 'копчик', является элементом глагольных лексем *vas.* *tāššəku* 'похудеть', 'отощать'; кет. *təzəmbugu* 'худеть'; об. С *tessəgu*; *vas.* *tažegu*; об. Ш *tažəmbugu* 'похудеть'. Он входит в лексический слой с обобщенным значением «задняя часть тела». Второй элемент *-šendā* имеет соответствия среди слов тым. *send*; кет. *sünd'i* 'нутро', 'внутренность'; *sünd'eŋ*

kūzuŋ ‘мое нутро болит’; sūn’d’egu ‘опустеть’, ‘кончиться’; sūnd’ertəgu ‘опустошить’; об. С sūn’tegə ‘нутряной’, иначе ‘внутреннее тело’. Лично-возвратное местоимение təššendə составлено из элементов təš- ‘задняя часть тела (худое тело)’ + šendə ‘внутренняя часть тела’. В основе лично-возвратных местоимений mazim ‘меня’ и təššendə ‘тебя’ лежит универсальное противопоставление «мое здоровое тело – твое худое тело».

Приведенный материал раскрывает одну из тенденций становления словарного фонда селькупского языка – широкое использование в становлении лексического состава слов со значениями ‘человек’, ‘тело’, ‘семья’. Подтверждением этому служит следующий фактический материал.

В селькупских диалектах названия родов и племен включали вторым компонентом слово со значением ‘человек’. Генонимы были восстановлены при исследовании самоназваний представителей этноса, зафиксированных в XV–XX веках [3]. Наименования древних родов функционируют в роли послелогов. Примерами служат:

1) Послелог об. С, Ч, тым. čad; тур. čoatj, čotj; ел. č’otj ‘напротив чего-либо’, ‘перед кем-либо’, ‘на какой-либо отрезок времени’, ‘над чем-либо’, ‘из-за кого-либо’, ‘ради кого-либо’, ‘для кого-либо’, который восходит к самоназванию ča-ed (букв. светлый человек, ср. геноним čakj čumj ‘светлый человек’. Геноним čaqj čumj ‘остяки’ известен по картографическим данным XVI века (карта А. Дженкинсона, 1562 г.), местом их распространения было Среднее Приобье). Название рода было перенесено на место рода, об этом свидетельствует пространственное значение послелога: об. Ч n’ar mat č’ad eašezə ‘утка передо мной взлетела’; logal’ikala rōčəmbadət č’eləp č’ad ‘лисята грелись на солнце’; тур. ma n’ənn’amə m’e modano čoat illa ‘моя сестра живет напротив меня’. По мере абстрагирования развиваются другие значения послелогов, при этом они принимают падежные показатели, например: об. Ч č’adjujət ‘над чем-либо’ (-juj – показатель местно-временного падежа); об. Ч č’adətqo ‘вместо кого-либо’; тур., об. Ч čadəndəgo ‘из-за кого-либо’ (-ndəgo, -tqo – показатели назначительно-превратительного падежа безличного и лично-притяжательного склонения).

2) Послелог об. Ш čač ‘до какого-либо отрезка времени’: üde čač ‘до утра’. Послелог входит в лексический слой, объединенный значением «род, семья рода»: об. Ш čače; вас. čaže ‘семья’; тым. čažat ‘род’, ‘приплод’, ср. об. Ш, Ч čačəgu, čačəgu ‘вывести птенцов’; об. Ч, вас., тым. čažəgu ‘посеять’; об. С čažigu ‘посеять (зерно)’, например: qaraqət aŋpar čažəmbadət ‘в деревне они ячмень посеяли’. Для слова čač восстанавливаем значение ‘зародыш’, ‘семья’, ср. ел. teči-č’ij qum

‘родной человек’. В семантику слова интегрирован смысл, который обнаруживается в ограничительной функции послелога, передающего временной предел.

3) Послелог об. Ч čar, čar’e, čare, č’ar ‘наподобие’, ‘как кто-то’. Послелог входит в лексический слой, объединенный значением ‘человек’. Это значение уже утрачено, но восстанавливается при сравнении предэтнонимов об. Ч čaqj čumj и тым. čumul’ čara, в которых вторую позицию занимает слово со значением ‘человек (своей национальности)’, ср. также об. Ч čumj’kut ‘селькупы’ (<čumj’+kut ‘люди’, ср. об. Ч qula ‘люди’, qulat ‘народ’). Название рода čumul’čara отражено в словосочетании čumul’čara kwidargu nel’gor ‘в роду čumul’ старшая женщина-лоз’. Геноним čaqj čumj буквально означает ‘светлый человек’. Имя рода тым. čumul’čara представляет собой исторически сложное слово, в котором čumul’ является наименованием рода, а čara означает ‘человек’. В современном состоянии языка является послеложной конструкцией [3]. Семантическое развитие слова пошло в направлении выражения значений ‘тело’ либо ‘часть тела’. Застывшие падежные формы таких слов становятся послелогом, и слово čar не является исключением: тур. ter ezintj č’arqit omdışa ‘он напротив своего отца сидел’. Подтверждением тому являются также следующие данные: об. Ч č’arup ‘лицо’; об. Ч, вас. č’arəp ‘толстый’; об. Ч č’ar’ež’embugu ‘измениться’, ‘стать другим’ (<č’ar’-ež’embugu, букв. тело (лицо)-стать кем-либо’, ср. об. Ч ež’embugu ‘стать кем-либо’); тым. č’aram; кет. č’aram’i; об. Ч č’arm; например: об. Ч mat č’arm ek ‘я толстая’; näl’gut č’arm eqvadət ‘женщины толстыми бывают’; вас. č’arm’egu ‘понемногу толстеть’; вас. čaričaqil ‘смелый’, например: ned oŋomba, uruk qβ’ed’idjil, tab čaričaqil erpimba ‘его дочь выросла, очень красивая, она была смелая’. Слово несет положительную коннотацию, оно связано с понятием «хорошее тело», следовательно, служит эталоном для сравнения. Этот смысл заложен в лексическом значении послелога čar. Именно сравнительно-уподобительная функция присуща рассматриваемому послелогу, ср. об. Ч mat a tanak čepžigu čumjil’ čare ‘я не умею говорить по-селькупски’. Исходное значение слова проявляется в лексемах: об. Ш, вас. čard’e, čarde; об. Ч, тым. čarže; об. Ч čarč’e ‘семья’, ‘родня’; об. Ч čərga ‘дядя’, ‘старший или младший брат моей матери’. На пути семантических переходов проявляются значения ‘вылететь (из гнезда)’, ‘выскочить, выйти замуж’: об. Ч man tebtko čariyak ‘я замуж вышла’. Символом родовой связи выступают слова об. Ч č’og ‘петля’; вас. č’eg ‘петля (на зайца)’; об. Ч, вас. č’erm ‘веревка’; тым. č’ig ‘силос’. В сфере анатомической лексики им соответствует термин об. Ш

čogok ‘матка’. Через регулярные звуковые соответствия č~č’~t’ и č~t’ выходим на послелогои t’ar и taга с аналогичным значением.

4) Послелог об. С t’ar, d’ar ‘соответственно’, ‘по’, например: süsüyäl d’ar t’argu ‘сказать по селькупски’ входит в семантическое гнездо с архисемой «тело», ср. об. С t’arum ‘лицо’, ‘рыло’; об. Ш t’arm; об. Ш, кет. t’aräm; вас. t’arär ‘толстый’, ‘полный’, об. С t’arär ‘толщина’. Положительная коннотация сохраняется, ср. об. Ч t’aržem ‘родня’, второй элемент -žem сопоставляется с личным местоимением об. С, кет. šim ‘меня’.

5) Послелог ел. taга; тур. tar’e, taredäl; об. Ш taredak ‘соответственно’, ‘как кто-либо’, ‘подобно чему-то’, например: ел. qum taга ‘по-свойски’; об. Ш m’inani kanala azımbat t’umbne taredak ‘наши собаки стали как волки’. Послелог содержит элемент tar-, который повторяется в лексемах об., кет., вас., тым. targu ‘обменять’, ‘поменять имя’; об. Ш, тым. tarbıgu ‘думать’, ‘помнить’, ‘переживать’, кет. tarunžəgu ‘обмениваться’; об. Ш, Ч tar’eşpıgu ‘обменивать’; тым. tarıbatku ‘задрожать’, ‘затрястись (от волнения)’. Для общего элемента tar- восстанавливается значение «внутреннее состояние человека», «ментальная деятельность человека». Эти значения подводят к мысли о том, что речь идет не столько о подобии эквиваленту, сколько о тождестве эквивалентов. Лексема tar известна как наречие: кет. tar ‘еще’: ter tar n’un’un’ukka eŋ ‘он еще маленький’; об. Ш tar tarı okkır par manımbat ‘он еще один раз посмотрел’.

Попутно раскрывается закономерность: абстрактные значения послелогов развиваются на базе сакральных значений знаменательных слов. Примером служит послелог тур. qıramıntı ‘из-за кого-либо’: tat qıramıntı üč’ıqo asa qəssak ‘я из-за тебя на работу не пошел’ представляет собой застывшую форму продольного падежа лично-притяжательного склонения. Слово об. С, вас., тур. qır в самостоятельном употреблении имеет значения ‘рана’, ‘дыра’. В качестве составного элемента оно повторяется в лексеме вас. qırabo ‘дерево для жертвоприношений’, в глагольных лексемах об. С, Ч, кет., вас., тым. qırıgu, qırıgu ‘ободрать’, ‘содрать’, ‘промышлять (зверя, птицу)’; вас. qırıngu ‘поранить’; кет. kıramt’ıku ‘наносить раны’; kırgeyäl’d’ıgu ‘разорвать на куски’, в орнитонимах тур. qır’e ‘ворон’, qırba ‘ласточка’. Смысловое наполнение данного слоя лексики позволяет восстановить возможное исходное значение слова qır ‘кровавая жертва’. При морфемном членении слова qırabo ‘дерево для жертвоприношений’ на элементы qır-abo становится очевидной модель, по которой было составлено слово, а именно: кровавая жертва+пища. Видимо, ворона и ворон в древности считались жертвенными птицами. Во время жертвоприношения совер-

шались разного рода действия, ср. кет. qırıbbıgu, qırımbıgu ‘рычать’, ‘греметь’: кет. qvəgə qırımba ‘медведь рычит’; об. С qannom qırımpa ‘гром гремит’; тым. kırmbıgu ‘скалить зубы’; об. Ч qırbatku ‘зареветь (человеку)’, ‘зарычать (зверю)’. Отношение людей к вороне запечатлено в контексте: вас. qut qvır’e aya amgadıt ‘люди ворон не едят’ – кет., вас., тым. qvora ‘ворона’. Жертва приносилась в кругу родственников, об этом свидетельствуют следующие слова от той же основы: об. Ш k’eg; тур. k’erı; об. Ч k’ar ‘семья’, ‘стая’; об. Ч qvārmā, тур. k’erm’a ‘зять’. Ласточка была той птицей, которая уносила жертвенную пищу наверх. Слово составлено из элементов qır-ba (< qır-ab, букв. жертвенная пища+еда, об. Ч ab ‘еда’, ‘хлеба’, ‘злаки’).

Каждое действие при мифологическом мышлении кодировалось в знаках языка. Подтверждением служит глагольная конструкция с деепричастием об. С qırle tadəgu ‘обдирать’ (< qır-el tadəgu, букв. жертва-дух приносить, ср. об. С tadəgu ‘выплачивать’; об. С, кет. tadəgu ‘нести’; об., вас. tadeşpəgu ‘приносить’). Этот элемент духовной культуры нашел отражение в наименованиях месяцев: тур. qır’e ir’et ‘март’; тым. qvırel ar’eda, qvorel eret ‘апрель’. Исходя из лингвистических данных, это были месяцы жертвоприношений. Сакральная лексика приобретала в процессе исторического развития языка иной смысл, на ее основе формировались другие тематические группы, устанавливались другие связи, которые привели к новым ассоциациям – qır’e ir’et ‘месяц вороны’.

Следующая тенденция сводится к тому, что наименования тотемных животных, мифических предков, имена духов (добрых и злых) составляют базу для формирования лексики особой культовой значимости [4], глагольной лексики, выражающей эмоции [5, 6], передающей шумовые проявления ‘затрещать’, ‘щелкнуть’, например: rıqatıgu ‘затрещать (как трещетка)’, ср. об. Ш, Ч rıka ‘фольк. Пыка’, ‘бык’; тым. rıžembıgu ‘трещать’; вас. režəvatıgu ‘щелкать орехи’, ср. об. С ražene ‘Баба-Яга’; кет. rajmıgu ‘щелкнуть (кнутом)’, ср. об. С rajja ‘огненная белка’; об. Ч rəgalžəgu ‘выпучить глаза’, ‘выпучиваться’; кет. r’ıl’d’ergu ‘свистеть’; r’ıl’d’ambıgu ‘свистеть’; тым. r’el’mıžıgu ‘щелкнуть щелчком’, ср. об. Ш rıl ‘пучеглазый (бык)’ – мифический предок, по имени которого названо поселение R’ıl ed ‘юрты Иванкины’. Эта закономерность раскрывает тенденцию: глаголы, обозначающие шумовые проявления, являются исторически словами, характеризующими проявления мифических предков и духов.

Табу на употребление имен духов обусловило формирование абстрактной лексики: об. Ш lebır ‘стук’ < leb-ır, букв. темный+старик (ср. об. С ləba ‘темно’; lıbalžəgu ‘затемнить’; об. Ш, Ч, вас., тым.

lǝbʋatku ‘стемнеть’) – об. Ш *lebʋatku* ‘стукнуть’; тур. *laḡa* ‘крик’ – об. С *laḡojgu* ‘закричать’, ‘зареветь’; кет. *l’angə* ‘звон’ – *l’angəptugu* ‘зазвонить’, ‘зазвенеть’, ‘закричать’; *l’angəptut* ‘колокольчик’. На базе имен мифических предков сформировались неопределенные местоимения: ел. *puttebjis’ kusayin* ‘когда-нибудь’ (букв. *нибудь-когда*). Первый элемент *putte-* повторяется в лексеме ел. *putj*; об. С, вас. *pu’č* ‘дудка’, ‘ствол ружья’, иначе – ‘незаполненное пространство’. В мифологическом сознании пустоту обозначал мифический предок ‘дьявол’, второй элемент *-bjis’* входит в структуру мифологемы *пуз-ерог* ‘дом черта’ – большой плоский камень, но считается, что в камне живет несколько чертей [7, с. 75]. Оба элемента являются наименованиями духов. В диалектах слово вас. *pusa* сохранилось в значении ‘серый’: *taət pusa ek* ‘зимой (заяц) серый’. Известно, что заяц является символом злого духа. Второй компонент неопределенного местоимения считаем возможным соотносить с лексемой ел. *kjś* ‘дьявол’. В южных диалектах он является составным элементом ойконимов Кысок (букв. *дьявол-мыс*), ю. Кызуковы. Значение слова подтверждают мифологемы кыз-анги ‘великая лосиха’ (люди видят ее как утреннюю зарю) [7, с. 57], *кось-ба* ‘приношение духам’ [7, с. 54], *кэзыль-поргаты* – изображение духов на шаманской парке [7, с. 58]. Дальнейшее функционирование имен духов встречаем в качестве составных частей местоимений: кет. *kuzan* ‘когда’; ел. *kos qaj* ‘хоть как’, ‘разный’; об. С *kossaj* ‘несколько’, частиц: кет. *kos, qōs* ‘хоть’, ‘хоть бы’: *tan terak, kunəḡ oppola, man kos t’elan ni pal’d’ukunneḡ* ‘ты скажи, где сестры, я хоть бы днем туда ходила’. Таким образом, абстрактная лексика формировалась на базе табуированного лексикона.

Глагольная лексика с архисемой «оказывать моральное или физическое воздействие» восходит к слову со значением ‘дьявол’: ел. *kjś* ‘дьявол’ – вас. *qit’alžigu*, об. Ч, тым. *qičalžigu* ‘испугать’, ‘вспугнуть’; *qat’alžigu* ‘испугать’; *qoč’alžigu* ‘припугнуть’; об. С *qic’vatku* ‘испугаться’; *qic’vatpīdimi* ‘страх’; *kot’eʋatku, kos’eʋatku*; об. Ш *kīt’vatku*, вас. *qot’eʋatgu* ‘испугаться’; об. С *qot’ergu* ‘испугать’; вас. *qot’etembəgu* ‘пугаться’. Слово со значением ‘дьявол’ выступало в вариантах *qat’, qoč’, qic’, kot’, kīt’, qot’*. Они вычленились в структуре знаменательных слов, но в качестве самостоятельных слов

в южных диалектах не сохранились [8]. В кетском диалекте эта закономерность повторяется с той разницей, что значение ‘дьявол’ вытеснено значениями ‘страх’, ‘испуг’: *ləḡu*. Видимо, образование слова с абстрактным значением произошло повсеместно, и исходное значение осталось незафиксированным: кет. *lerčugu, ləḡčugu, ləḡarčəgu* ‘испугать’; *ləḡgu* ‘испугаться’; *ləḡumbəgu* ‘бояться’; *ləḡəyaḡ* ‘страшно’. Это подтверждают данные других диалектов: об. Ч *larbaḡ* ‘страшно’; вас. *larboḡə* ‘срашный’: *Pōnege mātī šērni, onžə larboḡəḡ ēya* ‘Пёнеге в дом вошел, сам страшный’; об. С, Ч, вас. *larčugu* ‘испугать’; об. Ш *larīd’igu* ‘испугаться’; вас. *larčjigu* ‘напугать’; об., кет., вас., тым. *larjigu* ‘бояться’.

Физическое воздействие духа проявилось в глагольных лексемах об. С, Ш *katjgu* ‘ударить’; вас. *katolgu*; вас. *katolku* ‘почесать’, ‘расчесать (волосы)’, ‘разгрести’; об. Ч, кет. *qattolgu* ‘почесать’, ‘поцарапать’, ‘поранить’, ‘сгрести’; кет., тым. *qadattəgu* ‘чесаться’. О том, что речь идет о главном духе, можно заключить из лексем об. С *qadol* со значением ‘лоб’ < *qad-ol*, букв. *дух-голова*, (глава), кет. *qādə lappə* ‘рулевое весло’; об. Ч *qadal aḡa* ‘иней’ < *qad-al aḡa*, букв. *дух-дух предков* (*дух* – основатель рода) – старик, ср. *qatqur* ‘хант’. Долгота гласного в слове об. С *qādaḡ* ‘иней’ свидетельствует о стяжении двух гласных на стыке сложного слова *qa-ed* ‘дух-человек’. После утраты вторым компонентом значения ‘человек’ к нему присоединилось слово *aḡ*, известное как тотем об. Ч *aḡ* ‘глухарь’. Сакральная семантика слова проявилась в его использовании в роли местоимений вас. *kato* ‘зачем’, ‘почему’ и частиц тур. *qata*, кет. *qat* ‘так’, ‘если’.

Данные тенденции установлены при изучении самоназваний, идентифицирующих принадлежность представителей этноса к тому или иному диалекту, а также других лексических пластов. В основу исследования была положена методика морфемного членения слова. Учитывая принцип построения слова в агглютинативных языках, согласен которому оно предстает как свободная последовательность корней, соответствующая ходу мысли говорящего, мы можем объяснить в том числе природу целого ряда грамматических элементов, образовавшихся из самостоятельных слов на этапе грамматикализации в результате абстрагирования.

Сокращения

Вас. – васюганский диалект, кет. – кетский диалект, ел. – елогуйский говор, нен. – ненецкий язык, об. С – обские говоры Сюсюкум, об. Ш – обские говоры Шешкум/Шешкуп, об. Ч – обские говоры Чумьлькуп, тур. – туруханский говор, тым. – тымский диалект, эн. – энецкий язык.

Список литературы

1. Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch, Uralische und Finnisch-ugrische Schicht. Budapest, 1988. Bd. 1. 593 S.
2. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // СФУ. 1971. VII. № 1. S. 35–41.
3. Быконя В. В. Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк). Томск, 2011. 234 с.
4. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса / Вестн. Томского гос. пед ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
5. Монастырская Е. А. Сравнительная характеристика лексико-семантических полей гнева, страха и горя в селькупском языке // Вестн. Томского гос. пед ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 81–84.
6. Карманова Ю. А. Наименования птиц отряда воробьинообразных в селькупском языке // Там же. С. 76–80.
7. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.
8. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск, 2005. 347 с.

Быконя В. В., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 11.02.2013.

V. V. Bykonya

SOME TENDENCIES OF SELKUP VOCABULARY FORMATION

In the article some ways of semantic derivations due to which Selkup basic vocabulary formed and developed are presented. Abstract notions replace concrete symbols specific for mythological thinking. The period of grammaticalization of concrete meanings ended in change of content words into connective and substitutive ones.

Key words: *Selkup, dialect, semantic derivation, regular sound correspondences.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaja, 60, Tomsk, Russia, 634061.